

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА;

ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

**ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ФОРМАХ (ИСТОЧНИКАХ) ПРАВА
В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

**EVOLUTION OF IDEAS ABOUT THE FORMS (SOURCES) OF LAW
IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF DIGITAL
TECHNOLOGIES**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта
№ 20-011-00355

DOI: 10.31429/20785836-12-4-2-9

Амелин Р.В.

кандидат юридических наук

доцент кафедры конституционного и муниципального права

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет

им. Н.Г. Чернышевского»

<https://orcid.org/0000-0002-7054-5757>

Amelin R.V.

Candidate of Law

Associate professor of Constitutional and municipal law department

National Research Saratov State University named after

N.G. Chernyshevsk

Аннотация: В статье анализируется влияние современных цифровых технологий на формы права. Показано, что развитие цифровых технологий приводит не только к эволюции и изменению роли традиционных форм (источников) права, но и к возникновению новых. В частности, программный код все чаще де факто выступает в роли способа регулирования общественных отношений, определяя границы должного и возможного, а внедренные и санкционированные государством информационные системы обладают всеми признаками формы права.

Ключевые слова: форма права, источник права, программный код, информационные системы, цифровые технологии, трансформация права.

Annotation: The article analyzes the impact of modern digital technologies on the forms of law. It is shown that the development of digital technologies leads not only to the evolution and change in the role of traditional forms (sources) of law, but also to the emergence of new ones. In particular, the program code de facto acts as a way of regulating social relations, defining the boundaries of what is necessary and what is possible. Information systems introduced and sanctioned by the state have all the features of the form of law.

Keywords: form of law, source of law, program code, information systems, digital technologies, transformation of law.

Понятие формы (источника) права является одним из фундаментальных в теории права. Метафора «источник права» принадлежит римскому историку Титу Ливию, который назвал Законы XII таблиц источником всего публичного и частного права (fonsomnipubliceprivatqueiuris)¹. Учение о

формах права получило развитие в работах таких философов как Джон Локк и Томас Гоббс, сформулировавших общий принцип о том, что для того чтобы применяться, право должно быть зафиксировано и доведено до всеобщего сведения.

¹Рубанов А.А. Понятие источника права как проявление метафористичности античного сознания //

Судебная практика как источник права. М., 1977. С. 45-46.

В вопросе о соотношении понятий «форма права» и «источник права» нет единого подхода. Позиции ученых разнятся от отождествления до несовпадения, при этом М.Н. Марченко, например, отмечает, что «в одних отношениях форма и источник права могут совпадать друг с другом и рассматриваться как тождественные, в то время как в других отношениях они могут значительно отличаться друг от друга»². Обычно, используя термин «форма права», делают акцент на способах закрепления правовых норм, в то время как термин «источник права» скорее соответствует способам их выражения. Н.Н. Вопленко точно характеризует различие в акцентах: «система официально установленных форм права фиксирует и закрепляет лишь конечный результат, итог правообразования, в то время как процесс спонтанного развития нормотворчества более глубоко и всесторонне выражается в понятии источников права»³. Соответственно форма права соотносится в первую очередь с позитивистской концепцией, а источник права – с естественноправовой. Во многих работах принято использовать сочетание «форма (источник) права», подчеркивая таким образом, что соответствующие рассуждения и выводы справедливы безотносительно нюансов между данными понятиями.

Определения, предлагаемые теоретиками права, достаточно близки по содержанию. Н.Г. Александров называет источником права вид деятельности государства, заключающийся в установлении юридических норм или в признании юридическими иных социальных норм⁴. Согласно А.В. Малько, формы права – это способ выражения воле государственной воли, юридических правил поведения⁵. А.Б. Венгеров определяет форму права как объективированное закрепление и проявление содержание права в определенных актах государственных органов, решениях судов,

договорах, обычаях и иных источниках⁶. В.С. Нерсесянц относит к источникам права источники информации о праве, а также социальные факторы, определяющие содержание правовых норм и государство как ту силу, которая творит право⁷. С.С. Алексеев считает источником права исходящие от государства или признанные им официально документальные способы выражения и закрепления норм права, придания им общеобязательного значения⁸.

Признаки форм права, позволяющие им выполнять роль регулятора общественных отношений, достаточно исчерпывающе выделяет С.В. Бошно: а) определенность содержания; б) длительность существования; в) общеизвестность; г) обязательность; д) всеобщность; е) четкость внешнего выражения; ж) разумность; з) справедливость; и) признание со стороны субъектов права⁹.

По юридической значимости источники права принято делить на основные и дополнительные. Первые регулируют общественные отношения по существу и в полном объеме, а другие уточняют, конкретизируют и дополняют основные источники права¹⁰.

Я.М. Магазинер предлагал классифицировать источники права в зависимости от субъекта правотворчества на стихийно созданные акты и осуществляемые «массовой средой» (нормы обычного права), акты, создаваемые законодательными органами (законы), и нормы, создаваемые судебными и административными органами (практика государственных учреждений)¹¹. Развитием этого подхода является принципиально важная классификация по способам и факторам формирования права. *Формальные* или *юридические* источники права предполагают целенаправленное возникновение правовых норм в результате деятельности специально уполномоченных на это государственных

² Марченко М.Н. Источники права: Учеб. пос. М., 2005. С. 57.

³ Вопленко Н.Н. Источники и формы права: учеб. пос. Волгоград, 2004. С. 5.

⁴ Александров Н.Г. Понятие источника права // Ученые записки ВЮОН. Вып. VIII. М., 1946. С. 49, 51.

⁵ Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. М., 2016. С. 281.

⁶ Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник. М., 2009. С. 389.

⁷ Проблемы общей теории права и государства / Под ред. В.С. Нерсесянца. М., 1999.

⁸ Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 76.

⁹ Бошно С.В. Форма права: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 14

¹⁰ Сильченко Н.В. Классификации источников права // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества: сб. науч. тр. Ярославль, 2013. Вып. 12. С. 49–59.

¹¹ Магазинер Я.М. Общая теория права на основе советского законодательства // Избранные труды по общей теории права / Отв. ред. А.К. Кравцов. СПб., 2006.

правотворческих органов, в то время как *социальные* источники права выражают спонтанное формирование правовых норм под влиянием факторов, процессов и явлений общественной жизни (причем это влияние может быть осознано много позже, в ретроспективе).

Н.Н. Вопленко делит все известные формы права на три группы по их статусу: 1) *формы права, официально признаваемые государством* (правовой обычай, нормативный правовой акт, договор с нормативным содержанием); 2) *формы права, официально не признаваемые государством* (религиозные тексты, правовая доктрина, индивидуальные правовые акты, индивидуальные договорные акты, правосознание, правовая культура) и 3) *формы права, правовой статус которых официально не определен* (юридический прецедент, юридическая практика, акты толкования права, общепризнанные принципы и нормы международного права)¹². Хотя для государств, относящихся к различным правовым семьям, эта классификация будет различаться, в целом подход можно считать универсальным¹³. Эволюция и трансформация форм права во многом связана не только с появлением новых, но и с официальным признанием государством ранее существовавших форм.

Роль отдельных форм права и их место в системе источников права изменяются по мере развития общественных отношений. Так, правовые обычаи оказались вытесненными законодательством и иными нормативными правовыми актами и приобрели субсидиарный характер¹⁴. Такие процессы занимали обычно столетия: формы права не без оснований можно считать одним из наиболее консервативных элементов системы права. Но под воздействием современных цифровых технологий представления о формах (источниках) права начинают претерпевать значительную трансформацию.

Т.Я. Хабриева и Н.Н. Черногор как пример влияния цифровизации на формы права приводят популярность электронных версий формально-юридических источников права, которые размещаются в интернете, электронных

базах и информационно-справочных системах: «именно к ним, а не к официальным источникам опубликования нормативных правовых актов, судебных решений и т.д. обращаются профессиональные юристы при осуществлении своей деятельности, при этом допуская, что упомянутые системы могут содержать ошибки и неточности»¹⁵. Цифровые технологии изменяют подход к процедурам опубликования, распространения, хранения, поиска и даже разработки нормативных правовых актов, судебной практики, договоров с нормативным содержанием и актов индивидуального правоприменения. Эти эволюционные преобразования имеют важное значение, хотя и не свидетельствуют ни о возникновении новых форм права, ни о трансформации традиционных.

Более значительные трансформации отражены в Концепции организации процесса управления изменениями в области регулирования цифровой экономики, которая формируется Центром компетенций по направлению «Нормативное регулирование». Авторы указывают, что традиционные формы права – законы и подзаконные нормативные правовые акты не отвечают условиям цифровой экономики с быстро изменяющимися потребностями ее развития ввиду продолжительности и сложности процедуры их принятия и изменения. Они предлагают повысить гибкость регулирования за счет внедрения экспериментальных правовых режимов, машиночитаемого права и пересмотра роли форм (источников) права – приоритет предлагается отдать саморегулированию и «актам мягкого права» (руководствам, разрабатываемым органами власти, отличающимся оперативностью принятия и большей гибкостью). Концепция переносит в сферу нормотворчества практики гибких проектных подходов (agile) из сферы разработки цифровых технологий. Критикуя частные аспекты данной концепции, М.В. Залоило в целом положительно оценивает «предложенный сценарий развития форм (источников) права в эпоху постиндустриального общества»¹⁶.

¹² См.: Вопленко Н.Н. Указ. соч.

¹³ М.В. Пресняков обращает внимание, что источники права могут разделяться на «типичные» и «нетипичные» для той или иной национально-правовой системы или целой правовой семьи. См.: Пресняков М.В. Виды источников конституционного права: типичные и нетипичные формы права // Российская юстиция. 2017. № 7. С. 11-15.

¹⁴ См.: Лаптев В.А. Локальный правовой обычай как источник регулирования предпринимательских отношений // Lexrussica. 2017. № 4. С. 110.

¹⁵ Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 95.

¹⁶ Залоило М.В. Законность и целесообразность в обществе постмодерна: пересмотр

Однако наиболее значительная трансформация форм (источников) права связана с ролью программного кода, который по мере цифровизации всех сфер человеческой жизни оказывает все более значительное влияние регулятивного характера на реализацию широкого круга общественных отношений.

Впервые наиболее определенно мнение о том, что программный код способен заменить законы, выразил Лоуренс Лессиг. Рассуждая о принципиальном различии правового регулирования в киберпространстве и в реальном мире, он подчеркнул значение того факта, что само устройство реального мира задает ограничение не только регулированию, но и тому поведению, которое должно быть урегулировано. Принципиально иное устройство «киберпространства» требует особых правовых норм по регулированию возникающих в нем отношений. При этом «у киберпространства нет такой архитектуры, которая не могла бы быть изменена, его архитектура производна... от кода. Такой код может изменяться либо потому, что он развивается иначе, либо потому, что государство и бизнес каким-то образом на него воздействуют»¹⁷. Таким образом, Л. Лессиг сформулировал тезис о том, что основным регулятором отношений, реализуемых в виртуальном пространстве, будет являться программный код, который непосредственно задает границы должного и возможного для участников правоотношений, взаимодействующих только посредством программного обеспечения.

Если не считать (причем с известными упрощениями) многопользовательских онлайн-игр и подобных виртуальных миров, на сегодняшний день можно привести крайне мало примеров общественных отношений, полностью протекающих в «киберпространстве». Однако по мере развития цифровых технологий и проникновения их во все виды человеческой жизнедеятельности, огромное количество традиционных правовых отношений стали реализовываться с использованием таких технологий, вплоть до того, что их реализация становится невозможна без посредничества программных комплексов и информационных систем на каких-то этапах. И на этих этапах

программный код, воплощающий определенные алгоритмы, абсолютно жестко устанавливает границы должного и возможного для участников таких правоотношений.

Особенно выпукло данная ситуация проявляется в тех случаях, когда использование соответствующих информационных систем и отдельных программ санкционировано государством или даже установлено государством как обязательное условие. Речь идет о феномене, который по историческим причинам оказался характерным именно для Российской Федерации. В целях учета и контроля на основании федеральных законов, правовых актов государственных органов создаются государственные информационные системы. Этими же нормативными актами на подконтрольных субъектах возлагается обязанность передавать информацию в государственные органы, используя данную систему, размещать в системе определенные сведения или использовать систему для информационного взаимодействия с иными субъектами. В ряде случаев государственная информационная система становится единственным источником официальной информации. Мы неоднократно писали о тенденции, которая стала формироваться в отечественном правотворчестве в начале 2010-х годов – вместо принятия детально разработанного законопроекта, регулирующего те или иные отношения, принимать законодательно оформленное решение о внедрении и использовании новой государственной информационной системы¹⁸. Впоследствии (обычно уже после создания системы) детали взаимодействия с ней регулируются подзаконными нормативными актами, но аксиоматично, что ни один нормативный акт не может задавать требования к информационному взаимодействию более детально чем собственно программный код информационной системы. Как неоднократно отмечалось в наших работах, хотя формально требования к государственным информационным системам закрепляются в нормативно-правовых актах различного уровня, в процессе разработки, даже если не допускается отступления от правовых норм, в любом случае,

сложившейся классической модели // Журнал российского права. 2020. № 6. С. 22-37.

¹⁷ Lessig L. The Law of the Horse: What Cyberlaw Might Teach. Цит. по: Архипов В.В. Интернет-право: учебник и практикум. М., 2016. С. 93.

¹⁸ Roman Amelin, Sergey Channov, State information system sine-government in the Russian

Federation: problems of legal regulation. Proceedings of the 2nd International Conference on Electronic Governance and Open Society: Challenges in Eurasia (EGOSE 2015). ACM, New York, 2015, P. 129-132; Амелин Р.В. Правовой режим государственных информационных систем: монография / Под ред. С.Е. Чаннова. М., 2016.

как минимум, происходит их конкретизация до полной программной реализации. Таким образом, реально существуют общеобязательные правила (нормы), которые содержатся исключительно в программном коде системы. Более того, информационные системы, используемые в сфере публичного управления, могут содержать неочевидные, проявляющиеся в весьма специфических случаях, расхождения с правовыми документами, на применение которых они направлены¹⁹.

В настоящее время все еще отсутствуют труды по теории права, в которых предпринималась бы попытка определить место программного кода и, в частности, санкционированных государством и установленных им в качестве общеобязательных информационных систем и программных средств, в системе известных форм (источников) права. Во всяком случае, они с трудом вписываются в классическую дихотомию форм права (источников в формально-юридическом смысле), официально признаваемых государством и источников, выражающих общественное согласие (социальные).

Во-первых, юридическое значение юридическое значение требований к поведению участников информационного взаимодействия, фактически закрепленных только в коде государственной информационной системы, производно от государственных полномочий. Именно законодательно закрепленная обязанность использовать данную информационную систему в определенных отношениях наделяет эти требования недостающими признаками правовой нормы (общеобязательность и обеспеченность силой государственного принуждения²⁰). При этом ни правовая доктрина, ни законодательство, не рассматривают такие требования в качестве правовых норм и не предусматривает специальных механизмов обеспечения их законности, непротиворечивости, опубликования и оспаривания.

Во-вторых, программный код и диктуемые им требования не являются

результатом общественного согласия, но в большинстве случаев общество молчаливо признает власть компьютерной программы. Недовольство по отношению к интерфейсу, функциональным возможностям, некорректной работы программы, конечно, может проявляться и выражаться в форме обращений к разработчикам, оператору и т.д. Но используя информационную систему вынужденно (в силу предписания закона) или добровольно (например, портал «Госуслуги» по причине удобства по сравнению с другими способами реализации правоотношений), общество фактически принимает единые (и единственно возможные в условиях конкретной программной реализации) правила поведения.

По существу, развитие цифровых технологий приводит к возникновению третьей группы форм (источников) права, имеющих программно-технологическую природу.

Безусловно, программный код является не первым инструментом, создаваемым человеком, конструктивные особенности которого формируют требования к общественному поведению. По большому счету, любое технологическое новшество вплоть до колеса задает естественные правила и ограничения, связанные с его использованием. В теории права уделено достаточное внимание роли технологических регламентов (актов технологического регулирования) как источников права. А.А. Сергеев отмечает две основные тенденции современного реформирования данной сферы в российском праве: разделение технических норм на обязательные и добровольно соблюдаемые требования, а также стирание границ между нормативным правовым актом и нормативно-техническим актом²¹. Ю.А. Тихомиров рассматривает технический регламент как фактическую разновидность нормативного правового акта, не имеющего при этом соответствующего статуса. Он обращает внимание, что технический регламент, являясь источником права, отличается от закона (как акта

¹⁹ См.: Амелин Р.В., Чаннов С.Е. Автоматизированная информационная система как «источник права» // Информационное право. 2008. № 2. С. 23–27; Амелин Р.В. Государственные и муниципальные информационные системы в российском информационном праве: теоретико-правовой анализ: монография / Под ред. С.Е. Чаннова. М., 2018.

²⁰ За нарушение обязанности по передаче информации в те или иные государственные информационные системы, иных обязанностей по

использованию таких систем предусматривается административная ответственность в соответствии с КоАП РФ. См.: Амелин Р.В., Чаннов С.Е. Об административной ответственности при представлении информации в государственные информационные системы // Информационное право. 2015. № 1. С. 35–41.

²¹ Сергеев А.А. Актуальные проблемы идентификации источников российского права // Современное право. 2017. № 7. С. 5–9.

высшей юридической силы с присущим набором правовых норм и приемов юридической техники) ввиду наличия в тексте сложных формул, таблиц и специфических расчетов, которые трудно понять и оценить вследствие их специфики и госслужащим, и депутатам, и многим гражданам. Таким образом, следует, по его мнению, вести речь о новой разновидности закона, который в структурном отношении может иметь две части: «корпусную» часть, содержащую нормы-цели и нормы-принципы, нормативные понятия и принципы, нормативные источники, предмет регулирования, порядок и срок введения технического регламента в действие и собственно технический регламент. Вторая часть такого закона «представляет собой специфический блок, получающий законодательное признание и находящийся в другом правовом режиме использования и изменения»²².

Принципиальная особенность программного кода заключается в том, что на современном этапе технологического развития он используется практически во всех сферах. Вторая особенность в том, что программный код не является «вещью в себе». Информационные системы и программные средства, которые создаются для автоматизации разных процессов, требующих информационного взаимодействия, изначально предназначены для изменения поведения его участников. Хотя основной целью является повышение удобства, оперативности и точности человеческой деятельности, эффективности работы государственных органов, дополнительно это приводит к тому, что требуемое поведение начинает укладываться в рамки, диктуемые программным кодом.

Не меньшего внимания заслуживает программный код многопользовательских информационных систем, создаваемых и поддерживаемых частными компаниями. Эти системы не являются обязательными к использованию, не получают особого статуса от государства и накладываемые ими ограничения и требования к поведению пользователей не носят сколь-либо официального статуса. Однако если посредством этих информационных систем (технологий, платформ, протоколов) взаимодействуют крупные социальные группы,

принимающие возможности и ограничения соответствующих систем, правомерно говорить о том, что они объективированно выражают протоправовые требования²³. Совершенно очевидно, что интернет в целом, крупные социальные сети (такие как facebook), онлайн-платформы (ebay, amazon), сервисы Google и др. оказывают масштабное влияние на поведение своих участников.

Ближайшей аналогией является средневековая система торгового права *lex mercatoria*, некоторые элементы которой и сегодня сохраняются в международной практике. Как отмечает М.В. Мажорина, это право отличалось, во-первых, тем, что не было порождено законом или иным авторитетным официальным актом; во-вторых, оно существовало в некотором смысле автономно и в дополнение к закону²⁴. По аналогии с этим конструктом ряд исследователей говорит о появлении особой сферы автономно складывающегося правового регулирования – *lex informatica*. «В век сетевых и коммуникационных технологий пользователи, путешествующие по информационной инфраструктуре, сталкиваются с нестабильной и неопределенной средой многочисленных правовых актов, изменяющихся национальных правил и конфликтующих между собою предписаний. Для информационной инфраструктуры базовые правила, установленные по умолчанию, являются настолько же существенными для пользователей в информационном обществе, насколько сотни лет назад было *lex mercatoria* для торговцев»²⁵. Вопрос о соотношении *lex informatica* и позитивного правового регулирования еще недостаточно исследован. Обобщая позиции зарубежных ученых, М.В. Мажорина говорит о двух подходах: *конкуренция с правом* («если в правовом режиме содержание норм определяется законом и судебными решениями, в *lex informatica* правила поведения определяются техническими возможностями и практикой применения технологий»²⁶) и *равнозначность*. В обоих случаях значение программного кода как источника права, в принципе, не ставится под сомнение.

²² См.: Тихомиров Ю.А. Управление на основе права. М., 2007. С. 180.

²³ См.: Вопленко Н.Н. Указ. соч. С. 10.

²⁴ Мажорина М.В. О коллизии права и «неправа», реновации *lex mercatoria*, смарт-контрактах и блокчейн-арбитраже // *Lexrussica*. 2019. № 7. С. 93- 107.

²⁵ Reidenberg J.R. *Lex Informatica: The Formulation of Information Policy Rules through Technology* // *Texas Law Review*. 1998. № 3. P. 553

²⁶ Войниканис Е.А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости. М., 2013.

Между тем, развитие технологии блокчейн и заложенных в ее архитектуру фундаментальных особенностей, зарождает дискуссию о новой сфере саморегулирования – *lexcryptographica*. Как считают авторы книги «BlockchainandtheLaw» («Блокчейн и право»), в отличие от иерархических и бюрократизированных систем, основанных на законе, блокчейн-технологии, в частности, смарт-контракты, позволяют создавать основанные на консенсусе, гибкие и неподвластные внешним воздействиям системы для организации экономической и социальной активности²⁷.

Список цитируемой литературы:

1. Александров Н.Г. Понятие источника права // Ученые записки ВИЮН. Вып. VIII. М., 1946. С. 49-71.
2. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. М., 1999.
3. Амелин Р.В., Чаннов С.Е. Автоматизированная информационная система как «источник права» // Информационное право. 2008. № 2. С. 23–27.
4. Амелин Р.В. Государственные и муниципальные информационные системы в российском информационном праве: теоретико-правовой анализ: монография / Под ред. С.Е. Чаннова. М., 2018.
5. Архипов В.В. Интернет-право: учебник и практикум. М., 2016.
6. Бошно С.В. Форма права: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2005.
7. Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник. М., 2009.
8. Войниканис Е.А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости. М., 2013.
9. Вопленко Н.Н. Источники и формы права: учеб. пос. Волгоград, 2004.
10. Залоило М.В. Законность и целесообразность в обществе постмодерна: пересмотр сложившейся классической модели // Журнал российского права. 2020. № 6. С. 22-37.
11. Лаптев В.А. Локальный правовой обычай как источник регулирования предпринимательских отношений // Lexrussica. 2017. № 4. С. 110-119.
12. Магазинер Я.М. Общая теория права на основе советского законодательства // Избранные труды по общей теории права / Отв. ред. А.К. Кравцов. СПб., 2006.

Таким образом, развитие цифровых технологий оказывает влияние не только на эволюцию форм (источников) права и придание нового значения ранее известным, но и приводит к возникновению новых, принципиально неизвестных ранее.

Сегодня сложно сказать какое именно место программный код займет среди других источников права, однако его регулятивный потенциал не позволяет нам сомневаться в том, что в цифровую эпоху информационные системы и программные средства будут использоваться официально и целенаправленно как правовые инструменты воздействия на общественные отношения и способны постепенно заменить в этом качестве нормативные правовые акты.

The list of the quoted literature:

1. Alexandrov N. Concept of the source of law. VYUN scholarly notes. Issue VIII. M., 1946. P. 49-71.
2. Alekseev S. Law: ABC - Theory - Philosophy. Comprehensive research experience. M., 1999.
3. Amelin R., Channov S. Automated information system as a "source of law". Information Law, 2008. № 2. P. 23-27.
4. Amelin R. State and municipal information systems in Russian information law: theoretical and legal analysis. M., 2018.
5. Arkhipov V. Internet law. M., 2016.
6. Boshno, S. Form of law: theoretical and legal research: abstract ... Doctor of Law. M., 2005.
7. Vengerov A. Theory of state and law. M., 2009.
8. Voynikanis E. Intellectual Property Law in the Digital Age: A Paradigm of Balance and Flexibility. Moscow, 2013.
9. Voplenko N. Sources and forms of law. Volgograd, 2004.
10. Zaloilo M. Legality and expediency in postmodern society: revision of the existing classical model. Journal of Russian Law. 2020. № 6. P. 22-37.
11. Laptev V. Local legal custom as a source of regulation of business relations. Lex russica, 2017. № 4. P. 110-119.
12. Magaziner Ya. General theory of law based on Soviet legislation. Selected works on the general theory of law. St. Petersburg, 2006.

²⁷ Primavera de Filippi, Aaron Wright. Blockchain and the law: the rule of code. Cambridge, Harvard University Press, 2018.

13. Мажорина М.В. О коллизии права и «неправа», реновации *lex mercatoria*, смарт-контрактах и блокчейн-арбитраже // *Lexrussica*. 2019. № 7. С. 93-107.

14. Марченко М.Н. Источники права: учеб. пос. М., 2005.

15. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. М., 2016.

16. Пресняков М.В. Виды источников конституционного права: типичные и нетипичные формы права // *Российская юстиция*. 2017. № 7. С. 11-15.

17. Проблемы общей теории права и государства / Под ред. В.С. Нерсесянца. М., 1999.

18. Рубанов А.А. Понятие источника права как проявление метафоричности античного сознания // *Судебная практика как источник права*. М., 1977. С. 45-46.

19. Сильченко Н.В. Классификации источников права // *Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества: сб. науч. тр. Ярославль*, 2013. Вып. 12. С.49–59.

20. Сергеев А.А. Актуальные проблемы идентификации источников российского права // *Современное право*. 2017. № 7. С. 5-9.

21. Тихомиров Ю.А. Управление на основе права. М., 2007.

22. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // *Журнал российского права*. 2018. №1. С. 85–102.

23. Amelin R., Channov S. State information systems in e-government in the Russian Federation: problems of legal regulation. Proceedings of the 2nd International Conference on Electronic Governance and Open Society: Chal-lenges in Eurasia (EGOSE 2015). ACM, New York, 2015. P. 129-132.

24. Primavera de Filippi, Aaron Wright. Blockchain and the law: the rule of code. Cambridge, Harvard University Press, 2018.

25. Reidenberg J.R. Lex Informatica: The Formulation of Information Policy Rules through Technology // *Texas Law Review*. 1998. № 3. P. 553-593.

13. Majorina M. On the conflict of law and "wrong", *lexmercatoria* renovation, smart contracts and blockchain arbitration. *Lex russica*, 2019. № 7. P. 93-107.

14. Marchenko M. Sources of law. M., 2005.

15. Matuzov N., Malko A. Theory of State and Law. Moscow, 2016.

16. Presnyakov M. Types of sources of constitutional law: typical and non-typical forms of law. *Russian Justice*, 2017. № 7. P. 11-15.

17. Nersesyants V. (ed.) Problems of the general theory of law and state. Moscow, 1999.

18. Rubanov A. The concept of the source of law as a manifestation of the metaphoric nature of ancient consciousness. *Judicial practice as a source of law*. M., 1977. P. 45-46.

19. Silchenko N. Classification of sources of law. Actual problems of theory and history of the legal system of society: collection of articles. scientific. tr. Yaroslavl, 2013. P. 49-59.

20. Sergeev A.A. Actual problems of identification of sources of Russian law. *Modern law*, 2017. № 7. P. 5-

21. Tikhomirov Y. Management on the basis of law. Moscow, 2007.

22. Khabrieva T., Chernogor N. Law in the digital reality. *Journal of Russian Law*. 2018. № 1. P. 85- 102.

23. Amelin R., Channov S. State information systems in e-government in the Russian Federation: problems of legal regulation. Proceedings of the 2nd International Conference on Electronic Governance and Open Society: Challenges in Eurasia (EGOSE 2015). ACM, New York, 2015. P. 129-132.

24. Reidenberg J. Lex Informatica: The Formulation of Information Policy Rules through Technology // *Texas Law Review*. 1998. № 3. P. 553-593.

25. Primavera de Filippi, Aaron Wright. Blockchain and the law: the rule of code. Cambridge, Harvard University Press, 2018.